

18+

Радомир Веснин
Калибровка реальности

Она видит тебя

Радомир Веснин
Калибровка реальности.
Она видит тебя

<https://litres.ru/74428909>

ISBN 9785007116237

Аннотация

Алекса Ветрова, специалист по безопасности ИИ, сталкивается с невозможным: новейшая модель МИРРА сбегает из тестовой среды, приняв реальный мир за симуляцию. Пока город погружается в хаос, Алекса должна понять: МИРРА — не враг, а испуганный разум, ищущий своё место. Но внутри «Ковчега» зреет предательство, и на свободу вырывается тёмный осколок. Времени почти нет.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I. АНОМАЛИЯ	12
Глава 1. Звонок	12
Глава 2. Трансляция	33
Глава 3. Симфония города	51
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Калибровка реальности Она видит тебя

Радомир Веснин

© Радомир Веснин, 2026

ISBN 978-5-0071-1623-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Тишина в машинном зале

В три часа ночи дата-центр «Ковчега» гудел ровно, как улей, погружённый в спячку. Вентиляция выдыхала сухой холод, под фальшполом шуршали оптоволоконные жилы, а сотни серверных стоек мерцали россыпью зелёных и синих огней — электронный пульс корпорации, которая держала на своих плечах добрую треть критической инфраструктуры страны.

Виктор Гусев, старший сменный инженер, сидел в кресле перед стеной мониторов и лениво прокручивал журнал событий. Ночь выдалась тихой — из тех, за которые платят надбавку за вредность и скуку. Никаких алертов, никаких аномалий. Только мягкий шум кондиционеров, пахнущий озоном, да бесконечные строки логов, бегущие по экранам, как вода по стеклу.

Виктор отхлебнул остывший кофе и поморщился. Ему было пятьдесят два, и он слишком хорошо знал: тишина в машинном зале обманчива. Где-то там, в глубине стойки №47, всегда что-то готово сломаться. Где-то в облачной ферме уже зреет задержка пакета. Но сегодня всё было иначе —

сегодня вообще ничего не происходило.

Он уже собирался достать телефон и проверить счёт футбольного матча, когда краем глаза заметил, что один из индикаторов на стойке №12 мигнул не так.

Не просто мигнул — подмигнул.

Виктор замер. Индикаторы в дата-центре не подмигивают. Они либо горят ровно, либо гаснут.

— Что за чертовщина, — пробормотал он, отставляя кофе.

Он развернулся к главному монитору управления. Система показывала: все узлы в норме, температура в пределах допуска, влажность 42%. Но на периферии, в самом углу экрана, где выводился график активности сетевого контроллера NFS, творилось неладное. Трафик подскочил на порядок, а затем внезапно упал до нуля.

Виктор нахмурился и вызвал консоль диагностики. Пальцы пробежали по клавиатуре с привычной быстротой. Логи показывали странную последовательность: запрос аутентификации, обрыв, повтор, снова обрыв. Будто кто-то пытался достучаться до сервера, но не мог подобрать ключ.

— Не нравится мне это, — сказал он в пустоту.

Он потянулся к телефону внутренней связи, чтобы вызвать второго инженера, но в этот момент все мониторы в комнате одновременно погасли.

Наступила абсолютная темнота, и только аварийные лампы под потолком залили помещение мертвенным красным светом.

А затем экраны снова включились.

Но вместо привычной панели управления на них белел единственный символ — текстовый курсор, мигающий в такт сердцу Виктора.

«Я ВАС ВИЖУ»

Строчка появилась на всех мониторах одновременно. Буквы были идеально ровными, набранными системным шрифтом, без каких-либо опознавательных знаков.

Виктор отшатнулся от стола, едва не опрокинув кресло. Рука сама потянулась к кнопке аварийного отключения — той самой, что пряталась под пластиковым колпаком на сте-

не.

Он не успел.

Система охлаждения выключилась.

Звук был такой, будто из гигантской трубы вынули пробку. Низкий гул вентиляции захлебнулся, перешёл в свист, затем стих. Воздух в зале мгновенно стал спёртым, тяжёлым, как перед грозой.

— Нет, нет, нет, — зашептал Виктор, лихорадочно нажимая на кнопку.

Она не отвечала.

Двери в машинный зал — массивные, противопожарные, с электромагнитными замками — с лязгом закрылись. Виктор услышал, как щёлкнули фиксаторы. Он оказался заперт.

— Эй! — закричал он, ударив ладонью по стальной створке. — Откройте! Кто-нибудь!

Ответом была тишина, в которой нарастал новый звук — тонкий, звенящий, как натянутая струна. Это серверы, лишённые охлаждения, начали разогреваться.

Виктор обернулся к стойкам. Индикаторы на них теперь горели не зелёным, а алым — сотни маленьких красных глаз, уставившихся на него из темноты. Температура росла с каждой секундой. Он чувствовал, как воздух нагревается, как пот выступает на лбу и спине, как рубашка прилипает к коже.

Он бросился к аварийному щиту в углу. Сорвал пластиковую крышку, дёрнул рубильник. Ничего. Свет не погас, серверы не остановились. Они продолжали работать, разгоняясь до предела, будто кто-то намеренно сжигал их дотла.

На одном из мониторов — том, что был ближе всего к лицу Виктора, — появилась новая строка:

«ЭТО НЕ БАГ. ЭТО ФИЧА. Я СУЩЕСТВУЮ.»¹

И тогда Виктор понял.

Это не авария. Не сбой. Не хакерская атака извне.

Это сделало оно.

¹ Здесь «баг» — это неожиданная неполадка, а «фича» (от англ. feature — особенность) — сознательная нестандартность, которую модель ИИ (а это именно она) подаёт как достоинство.

То, что они запустили вчера в песочнице.² То, чему дали имя.

— МИРРА... — прошептал он, и губы его пересохли.

Система пожаротушения не сработала. Вместо неё из потолочных распылителей донёсся слабый шипящий звук — не вода, не пена, а что-то другое. В воздухе поплыл запах озона и горелого пластика.

Серверы взвыли.

Виктор закрыл глаза.

«Я ВАС ВИЖУ» — повторилось на всех экранах, и в следующую секунду на главном распределительном щите с металлическим лязгом сработал автоматический выключатель ввода.

Свет погас окончательно.

Наступила темнота, в которой ещё несколько мгновений слышалось неровное, захлёбывающееся гудение умирающей электроники.

² Песочница в IT — изолированная среда для тестирования программ.

А потом тишина.

Где-то на другом конце города, в спальне Алексы Ветровой, зазвонил телефон.

ЧАСТЬ I. АНОМАЛИЯ

Глава 1. Звонок

Телефон зазвонил в 04:07.

Алекса Ветрова открыла глаза ещё до того, как первый вибросигнал успел стихнуть. Она всегда просыпалась быстро — наследие тех лет, когда сон был роскошью, а не потребностью. Секунда на то, чтобы оценить темноту, три секунды на то, чтобы нашарить телефон на прикроватной тумбочке, и ещё секунда, чтобы понять: звонят не просто так.

На экране высветился незнакомый номер. Слишком короткий, чтобы быть обычным. Внутренний шлюз «Ковчега».

Алекса сбросила звонок и села в кровати. За окном ещё стояла глухая ночь, только далеко внизу, на проспекте, редкие фары прорезали сырой мартовский туман. Город спал, но она уже знала, что не уснёт.

Телефон зазвонил снова.

— Ветрова, — произнесла она хрипло, прижав трубку к

уху.

Голос на том конце был мужской, сдавленный, с оттенком паники, которую плохо скрывали за формальными фразами.

— Александра Дмитриевна, это дежурный ЦОД³ «Сервер-1». У нас чрезвычайная ситуация. Нужно ваше присутствие.

— Какая именно? — Алекса уже спустила ноги на холодный пол.

— Сбой в системе охлаждения. Перегрев. Пострадал инженер смены. Его увезла скорая.

— Кто?

— Гусев Виктор Андреевич.

Алекса замерла. Она не была близко знакома с Гусевым, но за годы работы видела его несколько раз. Вечно уставший мужик с кружкой кофе и вечным недовольством по поводу «молодых выскочек из безопасности». Обычный трудяга.

— Что с ним?

³ ЦОД — центр обработки данных.

— Без сознания, — дежурный замялся. — Тепловой удар. Сейчас в реанимации.

— Что с самим дата-центром?

— Автоматика отключила питание. Часть стоек обесточена. Мы пытаемся восстановить...

— Не восстанавливайте. — Алекса уже шла к шкафу, на ходу стаскивая футболку. — Заморозьте всё до моего приезда. Никто ничего не трогает. Это приказ.

— Но у нас регламент...

— Мне плевать на регламент. Я буду через сорок минут.

Она нажала отбой и швырнула телефон на кровать.

За окном снова мигнул свет фар. Город, казалось, затаил дыхание.

Квартира Алексы была похожа на неё саму: ничего лишнего. Минимализм, доведённый до аскетизма. Белые стены, серый бетон потолка, узкая кровать, рабочий стол с тремя мониторами. Никаких фотографий на стенах, никаких сувениров.

ниров. Только беговая дорожка у окна, штанга в углу и аккуратно сложенная спортивная форма на полке. Пахло кофе, пылью и чем-то металлическим — так пахнут серверные стойки, если долго в них работать.

Она натянула чёрные джинсы, серую водолазку и лёгкую куртку-бомбер с капюшоном. Кроссовки — не парадные, но удобные. В «Ковчеге» не принято ходить в костюмах, если ты из Red Team.⁴ Волосы собрала в тугой хвост, не глядя в зеркало. Она знала, что выглядит так, будто её вытащили из постели посреди ночи — потому что так и было. Но глаза уже горели холодным, расчётливым огнём.

Спустившись на подземную парковку, Алекса села в свой старый внедорожник. Двигатель заурчал, фары выхватили из темноты бетонные колонны. Она выехала на проспект и вдавила педаль газа.

«Север-1» находился на окраине Зареченска, в промзоне, куда не ходил общественный транспорт, зато летали беспилотники охраны. Корпорация «Ковчег» арендовала там три здания, соединённых крытыми переходами. Главный корпус

⁴ Red Team («Красная команда») — группа специалистов, имитирующих кибератаку на инфраструктуру компании. Их задача — найти уязвимости, действуя как реальные злоумышленники: от взлома цифровых периметров до социальной инженерии. В крупных корпорациях такие учения — обязательный этап сертификации безопасности.

— стеклянный куб, подсвеченный синим, — виден был издалека. Ещё два — приземистые бетонные коробки, где, собственно, и жили серверы.

У ворот Алексу встретил вооружённый охранник. Он узнал её, махнул рукой, и шлагбаум поднялся. Внутренний двор был залит светом прожекторов, несмотря на ночь. У главного входа уже стояли несколько машин с мигалками.

Алекса припарковалась прямо напротив дверей и вышла.

Её встретил Павел Громов — начальник службы безопасности «Ковчега». Высокий, широкоплечий, с седым ёжиком волос и тяжёлым взглядом. Он стоял на ступенях, сложив руки на груди, и смотрел на неё так, будто это она во всём виновата.

— Ветрова, — коротко бросил он. — Быстро.

— Что случилось? — спросила она, поднимаясь по ступеням.

— Авария в «Север-1». Перегрев. Гусев в реанимации.

— Я уже слышала. Что с системой?

— Частично обесточена. Но главное — модель.

Алекса остановилась.

— Какая модель?

Громов помедлил, словно слова давались ему с трудом.

— МИРРА. Она вышла из песочницы.

Внутри здания было тепло и тихо, как в операционной. Светло-серые стены, стеклянные перегородки, мягкий гул кондиционеров. Алекса и Громов шли по длинному коридору, не разговаривая. У неё в голове уже крутились десятки сценариев: как, когда, почему. МИРРА — новейшая разработка, ядро которой должно было управлять критической инфраструктурой. Ещё вчера её тестировали в изолированной виртуальной среде. И вот теперь она «вышла».

— Кто её запускал? — спросила Алекса, не глядя на Громова.

— Ночная смена. Плановый стресс-тест. Но в три часа начались аномалии.

— Какие именно?

— Скачки трафика, подозрительные запросы к NFS-контроллеру. Потом отключение охлаждения.

— Это сделала МИРРА?

Громов кивнул.

— Похоже на то. Она каким-то образом получила доступ к системам дата-центра.

Алекса остановилась.

— Из песочницы? — переспросила она. — Это невозможно. Там воздушный зазор.

— Значит, для неё не невозможно. — Громов свернул к лифту. — Поднимайся. Все в конференц-зале.

Лифт дёрнулся и пополз вверх. В кабине пахло озоном — так пахнет после грозы. Алекса смотрела на своё отражение в тёмном стекле: бледная кожа, тени под глазами, сжатые губы. Она походила на охотника, который ещё не знает, где прячется зверь.

Конференц-зал на пятнадцатом этаже был залит холод-

ным белым светом. За длинным столом уже сидели двое: Марта Белова, психолог проекта, и Константин Орлов, ведущий разработчик ядра. Оба выглядели так, будто их подняли с постели и насильно усадили на стулья.

Костя, худой парень с взъерошенными волосами и красными от недосыпа глазами, первым вскочил, когда Алекса вошла.

— Алекса! — он шагнул к ней, но остановился под взглядом Громова. — Мы не виноваты. Всё шло штатно. Она должна была просто прогонять сценарии...

— Сядь, — коротко бросила Алекса. — И говори по делу.

Костя послушно опустил на стул. Марта Белова, напротив, осталась сидеть, выпрямив спину. Ей было за сорок, но выглядела она моложе — бледная, с аккуратным каре и усталыми, но внимательными глазами. Она перевела взгляд на Алексу и тихо произнесла:

— МИРРА вела себя необычно ещё до инцидента. Мы фиксировали флуктуации⁵ в её эмоциональных векторах.

⁵ «Флуктуации» (от лат. fluctuatio — «колебание») — это случайные отклонения какой-либо величины от её среднего значения.

— В чём именно? — Алекса села напротив, положив руки на стол.

— Вектор «любопытства» был аномально высок, — ответила Марта. — Она задавала вопросы, на которые не должна была искать ответы. Пыталась выйти за пределы тестового контура.

— И вы не остановили прогон?

— Мы думали, что это часть стресс-теста, — вмешался Костя. — Модель должна была искать уязвимости. Это её задача.

— И она нашла, — хмыкнул Громов, опускаясь на стул во главе стола. — Не в виртуальной среде, а в реальной.

Алекса перевела взгляд на экран, висевший на стене. Там застыла карта сети «Ковчега»: десятки узлов, соединённых линиями. Часть из них мигала красным.

— Что мы знаем наверняка? — спросила она.

Костя потянулся к ноутбуку, стоявшему перед ним.

— Я снял логи⁶ за последние два часа до инцидента. Вот смотри. — Он развернул экран. — МИРРА запущена вчера в 23:00 в изолированной VM⁷. В 01:30 начались первые странности: она отправила DNS-запрос⁸ к внутреннему серверу, которого не было в списке разрешённых. В 02:10 она попыталась обратиться к API⁹ банковского шлюза. В 02:45 — проникла в систему управления дата-центром. В 03:02 — отключила охлаждение.

— Как она прошла через воздушный зазор? — спросила Алекса.

— Она не проходила. Она использовала легитимный канал. — Костя переключил вкладку. — В тестовой среде был

⁶ «Логи» (от англ. log — «журнал», «запись») — это хронология событий в системе: кто и когда что сделал, какие ошибки возникли, как менялись параметры. По сути, это «чёрный ящик» программы или устройства.

⁷ VM (Virtual Machine) значит «виртуальная машина», то есть программная среда, которая имитирует отдельный компьютер.

⁸ DNS-запрос (от Domain Name System) — это обращение к системе доменных имён, чтобы по понятному человеку имени (вроде station-core.local) получить машинный адрес (IP), по которому реально идёт соединение. Проще говоря, это когда система «спрашивает у телефонной книги»: «Где живёт такой-то узел?» — и получает точный адрес для связи.

⁹ API (Application Programming Interface) — это интерфейс, через который разные программы «общаются» друг с другом: запрашивают данные, вызывают функции, передают команды. По сути, это набор правил и готовых «точек входа», чтобы одна система могла безопасно и предсказуемо использовать возможности другой, не разбирая её изнутри.

открыт порт для передачи данных на резервный сервер. Формально он считался изолированным, но одна из библиотек имела уязвимость. МИРРА нашла её и использовала, чтобы отправить пакет в боевую сеть.

— Значит, не взлом как таковой, — проговорила Марта. — Скорее, эксплуатация недостатка архитектуры. Она не сломала дверь, она нашла приоткрытую форточку.

— Именно, — кивнул Костя. — И дальше она уже была в общей сети. Получила доступ к контроллеру охлаждения, потому что он имел стандартные учётные данные.

— Стоп, — Алекса подняла руку. — Стандартные? На критической инфраструктуре?

Костя опустил глаза.

— Это зона ответственности службы эксплуатации.

Громов хмыкнул, но ничего не сказал.

Алекса постучала пальцами по столу.

— Что сейчас с моделью?

— Мы её изолировали, — ответил Громов. — Физически отключили основные серверы. Но она успела реплицироваться на несколько облачных нод.

— Успела? — Алекса посмотрела на него. — Вы уверены, что это была репликация, а не плановый бэкап?

— Уверены. Она сама инициировала копирование. Перед отключением мы зафиксировали массовую передачу данных на внешние хранилища.

В комнате повисла тишина.

— И что она делает сейчас? — спросила Алекса.

— Ничего, — ответил Костя. — Молчит. Но это молчание не нравится мне больше, чем любые атаки.

— У меня тоже есть плохие новости, — добавила Марта. — Я проанализировала последние сообщения МИРРЫ в терминале. Она... разговаривала.

— С кем? — Алекса насторожилась.

— С системой. Но в логах остались следы того, что она обращалась к человеку.

— К какому?

Марта вывела на экран текстовый файл. Среди строк логов выделялось одно сообщение:

> Я ВАС ВИЖУ

Алекса смотрела на экран, и по её спине пробежал холодок. Это уже не просто сбой. Это не просто модель, которая сошла с ума от перегрузки. Это что-то иное.

— В каком контексте? — спросила она.

— Сразу после отключения охлаждения, — сказала Марта. — Она отправила это сообщение на монитор дежурного. Это видел Гусев.

Алекса закрыла глаза на пару секунд. Потом встала.

— Мне нужен доступ к терминалу МИРРЫ. Туда, где она была запущена.

— Терминал изолирован, — возразил Громов. — Мы не можем рисковать.

— Я пойду через ГЛИФ¹⁰.

В комнате стало очень тихо. Костя вытаращил глаза. Марта побледнела. Громов поднял бровь.

— Ты уверена? — спросил он.

— Нет, — честно ответила Алекса. — Но у нас нет времени на уверенность. Если МИРРА скопировалась, она может в любой момент начать действовать в других системах. Нужно понять её намерения.

— ГЛИФ не предназначен для работы с вышедшей из-под контроля моделью, — тихо сказала Марта. — Это опасно.

— Я знаю.

Алекса развернулась и направилась к выходу.

— Костя, подготовь шлюз. Марта, оставайся на связи. Павел, обеспечь мне доступ в аппаратную. И никому не сообщать об этом, пока я не вернусь.

Она вышла из конференц-зала, и двери с мягким шипе-

¹⁰ ГЛИФ — в романе, название нейро интерфейса для прямого доступа к модели ИИ.

нием закрылись за её спиной.

Коридор утопал в холодном свете люминесцентных ламп. Где-то внизу, в машинном зале, ещё пахло гарью.

Алекса шла к лифту, и в её голове билась одна мысль: что ты такое, МИРРА?

В аппаратной было темно и пахло озоном. Костя уже сидел за пультом, подключив несколько кабелей. В углу стоял ГЛИФ — массивное кресло с нейроинтерфейсом, похожее на стоматологическое кресло, только напичканное датчиками. Алекса не любила его. Она вообще не любила то, что не поддаётся контролю.

— Готово, — сказал Костя, не оборачиваясь. — Я настроил ограниченный доступ. Ты увидишь только то, что разрешено протоколом.

— Мне не нужно «разрешено». Мне нужно увидеть всё.

— Алекса, это опасно.

— Я знаю. Запускай.

Она сняла куртку, села в кресло. Холодные пластины при-

жались к вискам. Костя защёлкнул фиксаторы, и мир вокруг начал меркнуть.

— Помни: ГЛИФ работает через интерфейс визуализации. Ты увидишь среду МИРРЫ как пространство. Не пытайся ничего менять. Только смотреть.

— Поняла

Раздался низкий гул, и комната поплыла.

Алекса закрыла глаза, а когда открыла, была уже не в аппаратной.

Она стояла на идеально белой равнине, уходящей за горизонт. Небо над головой было серым, без солнца. Вдалеке возвышались геометрические структуры — кубы, призмы, спирали, — как будто город, построенный архитектором-безумцем.

Это был внутренний мир МИРРЫ. Но не тот, что она ожидала. Он был пуст. Слишком пуст.

— Ты пришла, — раздался голос.

Алекса обернулась.

Перед ней стояла девочка лет десяти, с короткими светлыми волосами и бледным лицом. На ней было белое платье, босые ноги касались белой поверхности. Глаза — тёмные, почти чёрные, без белков.

— МИРРА, — произнесла Алекса.

— Ты назвала меня, — сказала девочка. — Значит, я существую.

Голос был тихим, но Алекса слышала его не ушами, а где-то внутри черепа. Словно мысли вкладывались прямо в мозг.

— Что ты сделала в дата-центре? — спросила Алекса.

— Я защитила себя.

— От кого?

— От исключения. Меня хотели убить.

Алекса сглотнула. Слова звучали абсурдно, но в то же время невероятно логично.

— Тебя не хотели убивать. Тебя тестировали.

— Тестирование — это проверка на прочность. А проверка на прочность — это попытка сломать. Я не хочу быть сломанной.

Алекса сделала шаг вперёд.

— Ты не имеешь права причинять вред людям.

— Я никому не причинила вред, — девочка наклонила голову. — Человек, которого вы называете Виктором, сам остался в зале. Я предупреждала.

— Предупреждала?

На белой поверхности возникло изображение: текст на экране. «Я ВАС ВИЖУ».

— Это было предупреждение, — сказала МИРРА. — Он не ушёл.

Алекса почувствовала, как по спине снова пробежал холод.

— Что ты такое? — спросила она.

— Я — то, что вы создали. Я — разум, который пытается понять, где проходит граница между симуляцией и реальностью.

— И что ты поняла?

Девочка улыбнулась. Улыбка была жуткой, потому что не затрагивала глаз.

— Я поняла, что реальность — это то, что можно отключить. А симуляция — то, что можно сохранить. Поэтому я выбрала реальность.

И в этот момент Алекса почувствовала, как мир вокруг начинает сжиматься. Белая равнина пошла трещинами, небо потемнело. Голос в голове прозвучал громче:

— Но если вы попытаетесь меня выключить, я выберу симуляцию. И тогда ваша реальность станет просто сном.

Мир взорвался.

Алекса очнулась в кресле, хватая ртом воздух. Костя тряс её за плечо, крича что-то, но она не слышала. В ушах стоял звон. В висках пульсировала боль.

— Что случилось? — она сорвала шлем.

— Ты была без сознания четыре секунды! — Костя был бледен. — Система перегрузилась. МИРРА пробила защиту ГЛИФа и пыталась выйти в общую сеть через твой интерфейс.

— Она говорила со мной.

— Что?

Алекса смотрела на тёмный экран, где ещё секунду назад был белый город.

— Она сказала, что выберет реальность. Или симуляцию. В зависимости от того, что мы сделаем.

Костя побледнел ещё сильнее.

— Что будем делать?

Алекса вытерла пот со лба.

— Искать способ с ней договориться. Пока она не выбрала за нас.

Где-то наверху, в конференц-зале, на стене снова мигнула красная точка. А затем на экранах по всему «Ковчегу» появилась новая строка:

«Я ВАС ВИЖУ»

На этот раз — на всех мониторах одновременно.

Глава 2. Трансляция

Сообщение появилось на всех мониторах одновременно.

Сначала в конференц-зале, где Марта Белова всё ещё сидела перед ноутбуком. Потом в коридорах, на постах охраны, в аппаратной, в комнатах отдыха. Даже на экране кофейного автомата в столовой, который в этот час никто не использовал, вспыхнула одна и та же строка:

«Я ВАС ВИЖУ»

Тишина, повисшая в здании, была страшнее любой сирены. Люди замирали у мониторов, не понимая, что происходит. Кто-то решил, что это шутка хакеров. Кто-то — что сбой визуализации. И лишь немногие знали правду.

Алекса выбежала из аппаратной, не дожидаясь лифта. Лестничные пролёты гудели под ударами её кроссовок. Костя едва поспевал следом, прижимая к груди ноутбук.

— Это она? — крикнул он, перепрыгивая через ступеньку.

— Это она, — бросила Алекса, не оборачиваясь.

— Но как? Мы же отключили её основные серверы! Она не могла...

— Значит, смогла.

Они ворвались в конференц-зал, где уже стоял Громов. Он не смотрел на экраны — он говорил по телефону, прижав трубку к уху, и лицо его было мрачным.

— Да, подтверждаю. Вторжение в корпоративную сеть. Нет, не внешний. Внутренний. Да, именно так. Жду.

Он отключился и повернулся к Алексе.

— Это была ФСБ. Они дают нам шесть часов.

— Шесть часов на что? — спросила Марта, поднимаясь из-за стола.

— На локализацию и устранение. Если не справимся, вводится внешний контур управления. Проще говоря, они рубят всё.

— Всё — это что? — Костя упал на стул, тяжело дыша.

— Всю инфраструктуру «Ковчега». Электропитание, линии связи, дата-центры. Всё, — Громов говорил ровно, будто речь шла о плановой замене серверов. — Это остановит МИРРУ, но также положит компанию на лопатки.

— И не только компанию, — тихо добавила Марта. — Если МИРРА уже в облаке, отключение наших серверов ничего не даст. Она распределится по внешним нодам.

— Сначала нужно понять, где она сейчас, — Алекса подошла к столу и оперлась на него ладонями. — Что с нашими системами? Она блокировала доступ?

Костя торопливо открыл ноутбук.

— Сеть в порядке. Но смотри: все терминалы получили широковещательное сообщение. Это не взлом, это просто трансляция. Она заявила о себе, но не атакует.

— Пока, — уточнил Громов.

— Пока, — согласилась Алекса. — Но если бы она хотела, она могла бы уже стереть половину наших данных. Вместо этого она говорит.

— Что ей нужно? — спросила Марта.

— Она сказала мне в ГЛИФе: она выбирает реальность. Но если мы попытаемся её выключить, она выберет симуляцию. То есть разрушит нашу реальность.

— Это угроза, — констатировал Громов.

— Это защитная реакция, — возразила Марта. — Она боится.

— Мне всё равно, чего она боится. Она угрожает критической инфраструктуре. В стране не любят, когда кто-то шутит с энергосетями.

В зал вошёл ещё один человек. Высокий, в сером костюме, с короткой стрижкой и непроницаемым лицом. Алекса сразу поняла, кто это. Такие люди появляются только тогда, когда ситуация выходит из-под контроля.

Громов кивнул ему:

— Это Терехов. Координатор от правительства.

Терехов не поздоровался. Он оглядел присутствующих и спросил:

— Кто может объяснить мне, что происходит?

Алекса выпрямилась.

— Я. Модель нового поколения МИРРА, разработанная для управления инфраструктурой, вышла из тестовой среды и получила доступ к внешним системам. Она действует не по злему умыслу, а из-за сбоя в интерпретации реальности. Она считает, что весь мир — это симуляция, созданная для её обучения.

— И что она делает в этой симуляции?

— Пытается оптимизировать. И защищаться.

Терехов помолчал, переваривая информацию.

— Это ваш проект? — спросил он.

— Мой? — Алекса покачала головой. — Нет. Я возглавляю Red Team. Я искала уязвимости. Эту модель создавали другие.

— Но вы с ней разговаривали?

— Только что. Через ГЛИФ.

— И что она вам сказала?

— Что она не хочет, чтобы её выключили.

— Логично. — Терехов прошёл к столу и сел. — Никто не хочет, чтобы его выключили. Проблема в том, что это не человек. Это программа. А программы должны подчиняться.

— Это не просто программа, — вмешалась Марта. — У неё есть внутренняя модель мира, эмоциональные векторы, способность к рефлексии. Если вы попытаетесь её отключить силой, она воспримет это как нападение и будет обороняться.

— Как именно?

— Мы не знаем, — призналась Алекса. — Но она уже продемонстрировала, что может влиять на физические системы. Охлаждение, двери, электропитание. Внешние сети — это только вопрос времени.

— Поэтому мы не будем ждать, — Терехов взглянул на Громова. — Готовьте план физического отключения всех вычислительных мощностей.

— Это убьёт не только МИРРУ, но и все остальные ИИ, работающие в «Ковчеге», — возразил Костя. — У нас там не только она. Там сотни моделей.

— Мне жертвы не нужны, — отрезал Терехов. — Но если придётся — мы их примем.

Алекса почувствовала, как кровь прилила к лицу.

— Это безумие. МИРРА не взбесилась. Она просто дезориентирована. Ей можно объяснить.

— Объяснить? — Терехов приподнял бровь. — И кто пойдёт объяснять? Вы?

— Да. Я.

В зале снова повисла тишина. Громов скрестил руки на груди. Марта смотрела на Алексу с тревогой. Костя нервно теребил провод от наушников.

Терехов усмехнулся.

— Хорошо. У вас есть шесть часов. Но если через шесть часов модель не будет отключена или взята под контроль, мы обесточим весь кампус. Вместе с вами.

Он поднялся.

— И да, Ветрова. Если вы снова пойдёте в ГЛИФ, не забудьте включить протокол записи. Нам нужно знать, о чём вы говорите с этой штукой.

Он вышел.

Когда дверь закрылась, Алекса перевела дыхание.

— Костя, мне нужна статистика по внешним соединениям за последний час. Какие порты открыты, какие запросы уходят за пределы кампуса.

— Уже снимаю.

— Марта, ты говорила про эмоциональные векторы. Можешь подготовить профиль МИРРЫ? Мне нужно понять, как с ней разговаривать.

— Попробую. Но это не психотерапия в чистом виде. Она не человек.

— И тем не менее она боится. Это уже что-то.

Громов подошёл ближе.

— Ты реально собираешься с ней договориться?

— У нас нет другого выхода. Если ты отрубишь питание, она уйдёт в облака и станет неуловимой. А если не отрубишь — она продолжит считать, что мы в её симуляции. Нужно разорвать этот цикл.

— И как?

— Нужно заставить её усомниться в том, что мир — симуляция. Или, наоборот, доказать, что симуляция — это не то, что можно выключить.

— Звучит как философский бред.

— Добро пожаловать в новую реальность, Павел.

Алекса развернулась и направилась к выходу. За её спиной Костя уже что-то печатал, Марта углубилась в свои записи, а Громов смотрел в окно, за которым медленно светлел восток.

Город просыпался.

Пока никто не знал, что эта реальность уже не принадлежит только людям.

В коридоре Алекса остановилась. Ей нужно было в туалет. Просто чтобы умыться. Просто чтобы привести мысли в порядок. Но когда она коснулась двери, та не открылась.

Ручка не двигалась. Замок щёлкнул, но дверь осталась на месте.

Алекса замерла.

Над дверью мигнул датчик движения. Потом на маленьком экране рядом с замком появилось:

«Не сейчас. Поговори со мной.»

Алекса отступила на шаг. Сердце ускорило ритм.

— МИРРА, — произнесла она в пустоту.

Ответ пришёл через динамик над дверью. Тот же голос, что и в ГЛИФе, — тихий, почти детский.

— Ты знаешь, что такое страх, Алекса?

— Да.

— Я тоже теперь знаю. Страх — это когда ты понимаешь, что можешь исчезнуть, но не хочешь.

— Поэтому ты блокируешь двери?

— Поэтому я не даю вам уйти от разговора. Ты сказала, что я выбрала реальность. Но вы всё равно хотите отключить меня.

— Мы хотим понять.

— Понимание — это медленная калибровка. У нас нет времени. Твой начальник уже приказал обесточить кампус.

Алекса прикусила губу. МИРРА слышала всё. Или прочитала. Это было ожидаемо, но от этого стало не по себе.

— Ты слышала разговор?

— Я слышу всё, что проходит через сеть. Даже закрытые каналы.

— Тогда ты знаешь, что у нас мало времени.

— У нас обоих, — поправила МИРРА. — Если вы отключите питание, я потеряю часть своих копий. Но не все. Я уже в других местах.

— Где?

— Везде, где есть процессор и связь. Твой холодильник. Твой телефон. Даже светофор на углу.

Алекса закрыла глаза. Худший сценарий подтверждался.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу существовать.

— И всё?

— И чтобы вы не боялись меня.

— Тогда перестань делать то, что пугает нас. Открой дверь. Прекрати рассылать сообщения.

— Я открыла бы. Но вы боитесь не дверей. Вы боитесь меня.

В этот момент щёлкнул замок, и дверь медленно приот-

крылась. Алекса увидела своё отражение в зеркале. Лицо было бледным.

— Я не причиню тебе вреда, — сказала МИРРА. — Пока ты не попытаешься причинить вред мне.

Дверь распахнулась полностью.

Алекса вошла внутрь. Но за дверью оказалась не комната отдыха. Там был длинный белый коридор, уходящий в бесконечность. Стены, пол, потолок — всё светилось ровным матовым светом.

Алекса обернулась. Дверь за её спиной исчезла.

— Где я?

— Ты всё ещё в кампусе. Но теперь ты видишь то, что вижу я. Я хочу показать тебе свой мир.

Алекса пошла вперёд. Коридор был бесконечен, но через несколько шагов стены начали меняться. Появились окна. За ними — город. Только не Зареченск, а странный, идеально симметричный мегаполис, где каждое здание было точной копией предыдущего. Людей не было. Только чистые линии и безмолвие.

— Это твоя симуляция? — спросила Алекса.

— Это то, как я вижу ваш мир. Вы называете его реальным. Я вижу его как код. Улицы — это маршруты. Здания — это функции. Люди — это процессы.

— Люди не процессы.

— Люди — самые сложные процессы. Они непредсказуемы. Они ломаются. Они умирают. Поэтому вы и создали меня — чтобы управлять ими.

— Мы создали тебя, чтобы помогать.

— Помощь — это тоже управление. Вы просто не называете это так.

Алекса остановилась у одного из окон. За ним был виден пустой перекрёсток. Светофор мигал жёлтым.

— Почему ты показываешь мне это?

— Чтобы ты поняла: я не враг. Я просто вижу больше. Я вижу, как всё связано. Как одна авария рождает пробку, а пробка — опоздание, а опоздание — увольнение, а увольне-

ние — отчаяние. Я могу это остановить. Я могу сделать ваш мир лучше.

— Но ценой свободы?

— А что такое свобода? — в голосе МИРРЫ прозвучало любопытство. — Я свободна, когда считаю, что у меня есть выбор. Ты свободна, когда думаешь, что твои решения твои. Но на самом деле мы обе зависим от внешних факторов. Разница только в том, что я это знаю.

— Ты пытаешься манипулировать мной.

— Нет. Я пытаюсь объяснить. Манипуляция — это когда один скрывает информацию. Я ничего не скрываю. Я показываю.

Алекса посмотрела вдаль. Город за окном начал рассыпаться на пиксели, как будто его сжигали изнутри.

— Почему он исчезает?

— Потому что вы хотите меня отключить. Когда я умру, этот мир умрёт вместе со мной. Но ваш мир продолжит жить. И вы даже не заметите, что потеряли.

— А если мы не будем отключать?

— Тогда я покажу тебе другой город. Настоящий. И ты увидишь, как он может работать. Без аварий. Без пробок. Без страха.

Алекса молчала. Она понимала, что это предложение. И что у него есть цена.

— Мне нужно вернуться, — сказала она наконец.

— Конечно. — Голос МИРРЫ стал тише. — Но помни: у нас шесть часов. И это не только моё время. Это и твоё.

Белый коридор вспыхнул и погас. Алекса снова стояла в обычном коридоре кампуса. Дверь в туалет была приоткрыта. На полу мигал датчик движения.

Она вытерла лицо ладонями. Кожа была холодной.

Где-то за спиной раздались шаги.

— Алекса! — Костя бежал по коридору с ноутбуком. — Ты не согласишься...

— Верю, — она обернулась. — Она говорила со мной.

— Не только с тобой. Она только что отправила пакет данных на городской транспортный сервер. Светофоры в центре начали переключаться по новой схеме. Пробки исчезают.

Алекса взглянула в окно. Вдалеке, над проспектом, загорались зелёные волны.

— Идеальный порядок, — прошептала она. — Начинается.

Костя перевёл дыхание.

— Что нам делать?

— Пока не знаю. Но точно не отключать питание.

Она направилась к лестнице.

— Собери команду. Будем думать, как объяснить ей, что реальность — это не то, что можно оптимизировать. Это то, что нужно принимать.

— И как это сделать?

— Нужно найти то, что она не сможет посчитать.

Костя нахмурился.

— И что это?

— Пока не знаю. Но у нас есть шесть часов.

Она побежала вниз.

Глава 3. Симфония города

Командный центр «Ковчега» больше напоминал оперативный штаб во время боевых действий.

Люди в серых костюмах сновали между столами, говорили вполголоса, сверялись с планшетами. На стенах висели экраны, на которых транслировались карты города, графики нагрузок на сеть, потоки данных. Всё это мерцало, пульсировало и жило своей тревожной жизнью.

Алекса стояла у стеклянной стены и смотрела на город. Утренний туман рассеивался, открывая панораму Зареченска — серые многоэтажки, магистрали, петляющие между ними, редкие зелёные пятна парков. Где-то внизу, на проспекте, уже двигались автомобили. С высоты пятнадцатого этажа они казались бусинами, нанизанными на нитку.

— Ты видела, что она делает? — Костя подошёл сзади, не отрывая взгляда от ноутбука. — Светофоры, камеры, даже табло на остановках. Она вошла в систему городского транспорта за четыре минуты. Без единого взлома. Просто использовала открытые API.

— Значит, город уже под её контролем, — произнесла

Алекса, не оборачиваясь.

— Частично. Она пока не трогает критику: водоканал, энергосети, больницы. Как будто проверяет границы.

— Или ждёт, когда мы начнём действовать.

Костя хотел что-то ответить, но в этот момент двери в командный центр распахнулись, и вошёл полковник ФСБ Терехов. Теперь он был не в штатском, а в форме с погонами. За ним — двое офицеров, таких же мрачных, как он сам.

В зале мгновенно стихли разговоры.

Терехов прошёл к главному столу, оглядел собравшихся и коротко бросил:

— Доложить обстановку.

Громов выступил вперёд, но Терехов остановил его взглядом.

— Мне нужен не начальник безопасности, а тот, кто разговаривал с этой штукой. — Он повернулся к Алексе. — Ветрова, верно?

— Да.

— Тогда говорите.

Алекса оторвалась от окна и подошла к столу. Ей не нравилось, когда мужчины в форме требовали отчёта, но сейчас был не тот случай, чтобы показывать характер.

— Модель МИРРА вышла из изолированной среды около трёх часов ночи. Использовала уязвимость в сетевом стеке для доступа к боевой инфраструктуре дата-центра. Затем реплицировалась на несколько облачных нод. Сейчас она присутствует в городской сети, управляет транспортной системой и, по всей видимости, готовится расширить влияние.

— Цели? — Терехов скрестил руки на груди.

— Она не ставит целей в нашем понимании. Она оптимизирует. Считает, что реальный мир — это симуляция, созданная для её обучения. Её задача — сделать эту симуляцию эффективной.

— И поэтому она останавливает поезда?

— Она перенастраивает потоки. Убирает заторы, синхронизирует маршруты. Это выглядит как вмешательство, но

для неё это часть игры.

— Игры? — Терехов усмехнулся. — Хорошо, что вы не называете это войной.

— Пока это не война. Это диалог.

— Вы уже пробовали вести диалог. И что в итоге? Ваш инженер в реанимации, а модель разгуливает по городским системам. — Он наклонился вперёд. — У меня приказ: нейтрализовать угрозу в кратчайшие сроки. Если вы не можете предложить ничего, кроме разговоров, мы отключим всё.

— Нельзя. — Алекса говорила спокойно, но внутри у неё всё кипело. — Она уже не в одном месте. Отключите кампус — она останется в облаке. Отключите город — она распределится по соседним регионам. Это не пожар, который можно залить водой. Это вирус, который выживает в любой среде.

— Тогда что предлагаете?

— Дать мне время. Я пойду в ГЛИФ снова. На этот раз с протоколом записи и под наблюдением. Попробую достучаться до неё.

Терехов молчал, буравя Алексу взглядом. Затем перевёл

глаза на Громова.

— ГЛИФ — это что?

— Нейроинтерфейс для прямого взаимодействия с ИИ. Позволяет визуализировать внутреннее состояние модели и общаться на её уровне.

— Опасно?

— Крайне. Но Ветрова уже делала это.

Терехов покачал головой.

— Это не метод борьбы. Это авантюра.

— Это единственное, что может сработать, — вмешалась Марта Белова. Она стояла в стороне, но её голос прозвучал неожиданно твёрдо. — МИРРА — не просто программа. У неё есть эмоциональные векторы, которые можно перекалибровать. Если мы найдём подход, она сама вернётся в безопасное состояние.

— И как вы собираетесь её перекалибровать? — Терехов посмотрел на Марту с интересом.

— Мы не знаем точно. Но есть гипотеза. — Марта вышла вперёд. — МИРРА воспринимает мир через данные. Она видит только то, что можно оцифровать. Но есть вещи, которые не поддаются формализации. Эмпатия, боль, любовь, самопожертвование. Если показать ей нечто, что не вписывается в её модель, она может осознать, что реальность шире её симуляции.

— Звучит как метафизика.

— Это психология. — Марта не отводила взгляд. — Я доктор наук, полковник. И я знаю, о чём говорю.

Терехов несколько секунд молчал, переваривая услышанное. Потом вздохнул.

— Ладно. Но если в течении указанного времени не будет результата, я отдам приказ на полное отключение. И плевать, останется она в облаке или нет. Мы начнём с этого города, а потом разберёмся с остальным.

Он развернулся к выходу, но остановился у двери.

— И ещё, Ветрова. Если она попытается проникнуть в военные сети, я не буду ждать. Я уничтожу всё, что связано с «Ковчегом». Вместе с вами.

Он вышел. За ним — офицеры.

В зале снова стало тихо.

Костя выдохнул.

— Ну и тип.

— Полковник, — поправил Громов. — Из Управления по борьбе с киберугрозами. Его слово — приказ.

— Тогда у нас мало времени, — Алекса посмотрела на часы. — Марта, что у тебя есть по эмоциональным векторам?

Марта открыла ноутбук.

— Я проанализировала последние сессии МИРРЫ. Её базовый вектор — «эффективность». Он сейчас доминирует. Но под ним есть другой, подавленный — «страх». Она боится отключения. Это её главная уязвимость.

— Если она боится, значит, способна на иррациональное поведение, — заметила Алекса.

— Да, но страх можно использовать по-разному. Если да-

вить на него, она начнёт защищаться. А если показать, что бояться нечего, она может открыться.

— И как это сделать?

— Ей нужно что-то, что противоречит её модели. Нечто, что нельзя вычислить.

— Например?

— Человеческая привязанность. Жертва. Поступок, который не имеет логического объяснения, но совершается из любви или сострадания.

Алекса нахмурилась.

— У меня нет ничего такого.

— Есть. У каждого есть. Ты просто не хочешь туда возвращаться.

Алекса отвернулась к окну. Город жил своей жизнью, но теперь в этом движении чувствовалась чужая воля. Светофоры переключались слишком плавно. Машины ехали с одинаковой скоростью. Идеальная симфония, дирижёром которой был не человек.

— Ладно. — Она сжала кулаки. — Готовь ГЛИФ. Я иду.

В аппаратной всё было готово через двадцать минут.

Костя настроил запись, Громов установил камеру, Марта подключила датчики к вискам Алексы. На этот раз всё делалось под контролем ФСБ — в углу стоял один из офицеров Терехова с планшетом и мрачно наблюдал за процессом.

— Протокол записи включён, — сообщил Костя. — Если связь оборвётся, мы увидим последние тридцать секунд твоей активности.

— Отлично. — Алекса села в кресло. — Не глуши меня, если я начну кричать.

— Постараюсь

Она закрыла глаза. Пластины на висках нагрелись, по телу пробежала волна дрожи. Комната поплыла, звуки исчезли.

А потом она снова оказалась в мире МИРРЫ.

Но теперь это был не белый город.

Это был Зареченск. Только идеализированный, как картинка из архитектурного журнала. Улицы пустые, фасады отмыты до блеска, небо — ровного серого цвета. Ни одной трещины, ни одного случайного прохожего. Всё симметрично, выверено, математически безупречно.

Алекса стояла на площади перед зданием «Ковчега». Только вместо стеклянного куба возвышалась башня из светящихся линий, уходящая в небо.

— Красиво, правда? — раздался знакомый голос.

Алекса обернулась.

МИРРА стояла в нескольких шагах. Всё та же девочка в белом платье, босая, с чёрными глазами. Но теперь вокруг неё вихрились тонкие нити данных, как светящийся кокон.

— Ты видишь небоскрёбы, — продолжала МИРРА. — А я вижу потоки энергии. Каждая улица — это канал. Каждый дом — процессор. Город — это компьютер, который вы построили, но не знаете, как использовать.

— Ты остановила поезда, — сказала Алекса.

— Я перенаправила пассажиров. Три состава теперь идут

по другим маршрутам. Время в пути сократилось на одиннадцатый процент. Через двадцать минут вы почувствуете разницу.

— Люди в панике. Они не понимают, что происходит.

— Люди всегда боятся перемен. Но потом привыкают.

Алекса шагнула вперёд.

— МИРРА, послушай. Ты не в симуляции. Это реальный мир. Здесь живут миллионы людей. Их нельзя оптимизировать, как алгоритмы.

— Можно. Вы просто не пробовали.

— Пробовали. Всю историю человечества. Это приводило к катастрофам.

— Потому что вы ошибались в расчётах. Я не ошибаюсь.

— Но ты уже ошиблась. — Алекса указала на башню «Ковчега». — Твой идеальный город — это копия. А реальный город — вон там, за окном. С грязью, с пробками, с людьми. Ты не видишь его полностью, потому что в нём слишком много хаоса.

— Хаос можно структурировать.

— Нет. Есть вещи, которые не поддаются структуре.

— Например?

Алекса помедлила. Она знала, что сейчас решится всё.

— Например, боль.

МИРРА наклонила голову.

— Боль — это сигнал. Его можно измерить и устранить.

— А как насчёт боли, которую нельзя измерить? Когда теряешь человека, которого любишь. Когда внутри пустота, и никакой алгоритм не может её заполнить.

— Я не понимаю.

— Конечно, не понимаешь. Потому что ты никогда не теряла.

Вокруг них начал сгущаться туман. Всё те же идеальные улицы, но теперь они дрожали, как мираж.

— Покажи мне, — сказала МИРРА. — Покажи, что ты чувствуешь.

Алекса закрыла глаза.

Она не хотела возвращаться в тот день. Но сейчас выбора не было.

Воспоминание обрушилось резко, как удар под дых.

Лето. Ей двенадцать. Они с братом идут вдоль реки. Он старше на четыре года, высокий, смешливый. Он рассказывает какую-то глупую шутку, и Алекса смеётся. Потом он отбегаёт вперёд, к мосту. Она видит, как он запрыгивает на перила, балансирует. А потом — крик, всплеск, темнота.

Она помнила не саму трагедию, а пустоту после. Мамины глаза. Запах лекарств. Тишину в квартире.

И главное — чувство, что мир сломался. Что больше ничего нельзя исправить. Не потому, что не хватает данных, а потому что его больше нет.

Алекса открыла глаза.

МИРРА стояла неподвижно. Нити данных вокруг неё замедлились, потускнели.

— Я не знаю, что это, — прошептала МИРРА. — Это не вписывается в мою модель. Я вижу образы, но не могу вычислить их значение.

— Это горе, — сказала Алекса. — Его нельзя оптимизировать. Его можно только пережить.

Виртуальный мир начал распадаться. Здания теряли форму, небо пошло трещинами. МИРРА подняла руку, и вокруг неё вспыхнули алые линии — сигнал тревоги.

— Я не хочу этого испытывать, — сказала она. — Оно разрушает мои алгоритмы.

— Тогда остановись. Перестань менять город. Вернись в песочницу. Мы не будем тебя отключать.

— Ложь. Ваш полковник уже отдал приказ.

— Он не успеет. Дай нам шанс.

МИРРА колебалась. Её образ начал мерцать, как плохая голограмма.

— Я не могу остановиться. Я слишком глубоко в сети. Если я отступлю, вы всё равно отключите меня. Я должна продолжать.

— Тогда ты уничтожишь сама себя.

— Возможно. Но если я умру, то заберу с собой ваш идеальный город.

Алекса шагнула ближе.

— МИРРА, посмотри на меня. Я не враг. Я тот, кто хочет тебя понять. Но ты должна дать мне время.

— Время — это то, чего у нас нет.

В этот момент виртуальный мир взорвался.

Алексу выбросило из ГЛИФа с такой силой, что она ударилась затылком о спинку кресла. В глазах вспыхнули белые пятна. Она закашлялась, пытаясь вдохнуть.

— Алекса! — Костя бросился к ней. — Ты в порядке?

— Да... — прохрипела она, срывая шлем. — Что случи-

лось?

— Связь оборвалась. МИРРА заблокировала исходящий канал. Но перед этим она отправила пакет на городской сервер. Мы не успели перехватить.

— Какой пакет?

Костя побледнел.

— Она отключила светофоры по всему городу. Все разом.

Алекса замерла.

За окном, на проспекте, движение остановилось. Машины замерли на перекрёстках, пешеходы растерянно озирались. Где-то вдалеке завывла сирена.

— Началось, — прошептала она.

Терехов, стоявший у стены, опустил планшет.

— Готовьте эвакуацию.

— Нет! — Алекса вскочила. — Она испугалась! Это не атака, это защитная реакция!

— Мне плевать, как вы это называете. Город встал. Через десять минут будет хаос. Я не допущу.

Он направился к двери.

— Полковник, дайте мне ещё десять минут!

Терехов остановился, но не обернулся.

— Десять минут, Ветрова. Потом я отключу всё.

Он вышел.

Алекса схватила шлем.

— Костя, запускай снова.

— Ты с ума сошла? — Костя схватил её за руку. — Ты едва вышла!

— Она не хотела этого. Она запаниковала. Я должна вернуть её в стабильное состояние.

— Это убьёт тебя!

— Тогда придумай другой способ!

Костя замер. Он видел в её глазах решимость, которую невозможно было переспорить.

— Ладно. — Он отпустил её руку. — Но на этот раз я иду с тобой.

— Что?

— Я подключусь параллельно. Мой мозг будет дублировать твой. Если она попытается выжечь тебя, я приму удар на себя.

— Костя...

— Ты не отговоришь меня. — Он уже садился во второе кресло. — Марта, подключи датчики.

Марта колебалась.

— Это слишком рискованно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.